

Список информантов

БВП – Бычкова В. П., 1909 г. р. Записано в с. Кубово Пудожского р-на КАССР в 1976 г. Архив Карельского научного центра РАН (далее – АKNЦ), 93/176.

ЕАА – Егорова А. А., 1901 г. р. Записано в с. Рубцово Пудожского р-на КАССР в 1969 г. АKNЦ, 23/641.

ЗУА – Заварина У. А., 1919 г. р., КА. Записано в с. Рягово Каргопольского р-на Архангельской обл. в 1998 г. Архив лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета (далее – АЛФ РГГУ).

КАИ – Кованова А. И., 1930 г. р. Записано в с. Шильда Каргопольского р-на Архангельской обл. в 1996 г. АЛФ РГГУ.

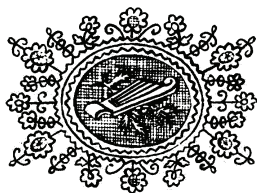
ОИД – Оглодова И. Д., 1915 г. р. Записано в с. Авдеево Пудожского р-на КАССР в 1980 г. АKNЦ, 144/19.

ПМИ – Полузерова М. И., 1898 г. р. Записано в с. Нюхча Беломорского р-на в 1976 г. АKNЦ, 94/66.

РКИ – Рахманова К. И., 1923 г. р. Записано в с. Ухта Каргопольского р-на Архангельской обл. в 1996 г. АЛФ РГГУ.

СМЕ – Соколова М. Е., 1925 г. р. Записано в с. Лядины Каргопольского р-на Архангельской обл. в 1997 г. АЛФ РГГУ.

ФЛА – Фаркова Л. А., 1932 г. р. Записано в с. Ягрема Каргопольского р-на Архангельской обл. в 2001 г. АЛФ РГГУ.

О. М. Фишман
Санкт-Петербург

**История малой родины
в устных и письменных рассказах
тверских карелов¹**

Тема «малая родина» в рамках изучения феномена современной устной истории и коллективной памяти сама по себе не нова. Но она, будучи частью коллективного исследовательского проекта, отражает

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 08-04-00318а «Устное повествование как источник для исследования биографии и меняющейся картины мира».

избранные его участниками новые аспекты междисциплинарного исследования устных и письменных повествований биографического характера для выработки общего гуманитарного видения современной оппозиции «личность – традиция» в разнотничных и конфессиональных сообществах. Среди основных задач выделяю следующие: как личная история вписывается в «большую» историю государства; в какой мере «образованность» и авторитет личности влияют на повествовательные стратегии и внутреннюю логику объяснения, зависящую от религиозно-нравственных и обрядово-ритуальных норм, выработанных данным социумом и трансформировавшихся в советский и постсоветский период, и др.

В докладе использованы материалы, полученные в ходе полевой работы в период с 1980-х гг. по сегодняшний день. За эти годы были использованы различные методики полевой практики: по тематическим программам и соответствующим анкетам, записи целостных повествований в жанре «устной истории» на протяжении нескольких сезонов, глубокие интервью и письменные ответы на развернутые вопросники.

Среди моих информантов – люди разных поколений, пола и возраста, религиозных убеждений, образовательного уровня, характера трудовой деятельности, включая представителей сельской и городской карельской интеллигенции. Важно понимать, что в условиях полевого опроса устные рассказы о себе и о своей малой родине зачастую определены и заданы характером наших вопросов и профессиональных интересов. Отвечая на них, каждый действует «в специфических социальных контекстах». Исследователь должен отдавать себе отчет в том, что рассказы о прошлой жизни – это некая версия или реконструкция реальной / социальной действительности, отражающая субъективный характер восприятия истории и культуры тем или иным человеком.

При анализе полевых материалов и их верификации я исходила из позиций теории межкультурной коммуникации, сегментом которой является и наша полевая практика. Она включает в себя несколько страт: межкультурную и межэтническую; коммуникацию между различными социальными группами и межличностную. При этом важную роль в процессе полевой коммуникации, наряду с упомянутым контекстом общения, играют особенности вербальной и невербальной коммуникации, стереотипы и предрассудки, типы или виды национального характера, основанные на этноспецифических особенностях мышления, а также общих и индивидуальных особенностях эмоционального склада. Снятие противостояния различных уровней

знаний, логик, адекватное взаимопонимание и диалоговое общение возможно при признании, прежде всего, с нашей стороны равноправности партнера. Ведь и мы обладаем своим набором стереотипов, в том числе профессиональной амбициозностью, а из психологических барьеров – различным уровнем восприимчивости к чужой культуре и разной степенью коммуникативности как таковой.

Опросы об истории деревни, как правило, начинались с попытки установить оценку своей родины. Положительная оценка содержится в ответе на прямой вопрос, красивая ли она. Ответ всегда односложен: красивая. Общий признак красоты: чистота и деревья, посаженные на улице и реже у дома: «Ну Полюжки, да и наша была красивая деревня. Деревья вдоль улицы сажали, больше березы, ветла (еще и клены). Ветла – быстрорастиющая, береза – красивее. Или – рябину, орешник, яблоню. Елка, сосна не положено у дома сажать» [ПМА Афанасьев 1987]. Эстетическая оценка используется и для описания конкретных объектов жилой и хозяйственной застройки. Однако более важен не эстетический, а хозяйственный аспект жизнедеятельности деревни. «<...> целые деревни были зажиточные трудолюбием славилась и девушки старались завлечь парня с хорошей деревни / Большое внимание обращалось на дом. Добротный дом и чистота порядок около дома, для девушки имело большое значение не зная парня, только по наслышке, но если дом пондравится это уже половина вопроса». Если жители деревни – рачительные труженики, то по окончании полевых работ ничего не должно оставаться в поле, в риге и т. д. Если в поле оставались бороны, то «девки в деревне непочетные / <...> которая деревня отставала в уборке то смеялись с *тюрей осталась деревня – тюрянке ей*. И эта деревня теряла как бы авторитет, не славилась трудом. / Свои достоинства показывали трудолюбием. Деревня, ее жители, девушки и парни ценились по труду. Трудолюбивые славилась на многие км»² [ПМА Любимова 1982а]. Родная деревня олицетворяла собой самые главные крестьянские=христианские добродетели ее обитателей: уважение к труду, хозяйственность и порядочность.

Общеизвестно, что устойчивость семейно-родовых связей придавала устойчивость конкретной деревенской общине, наделяла ее некими общими наследуемыми чертами, которые, как правило, отражали положительные или отрицательные с крестьянской позиции черты

---

² В цитируемых текстах А. Ф. Любимовой сохранены орфография и пунктуация автора.

поведения: безалаберность или трудолюбие, скарденность или доброту, драчливость или спокойствие, закрытость или веселость, хитрость или прямотушие. «Вот ты простая, как жальцовская», — говорят о жителях д. Жальцы Вышневолоцкого р-на. Во многих случаях прозвища определялись тем или иным — преобладающим или отличным — видом хозяйствования, становились нарицательными.

Отношения родства и свойства помогали поддерживать православные и традиционные — «дедовские» обычаи и порядки. Житель любой деревни знает старые клановые фамилии, историю разделения на малые семьи, что и отражено появлением новых фамилий.

Особенно это заметно в старообрядческих в прошлом деревнях. И. П. Улькин, 1904 г. р., наставник общины, рассказывал: «У нас природа была большая до 100 человек, из них только двоюродных братьев и сестер 46 человек, живших в 9 соседних деревнях. На *годовье* праздники обязательно приглашали друг друга в гости. Перед праздником стирали постельное и нательное белье, убирались в доме как к Пасхе, мылись в бане. Утро начиналось с общей молитвы членов семьи, гости собирались не ранее 11–12 часов. За праздничным столом пили домашнее пиво, реже водку <...>. Обменивались новостями, рассказывали сказки, разговоры о домовых и дворовых не поощрялись» [ПМА Улькин 1987].

История деревни, как и история переселения в 1980-е гг., сохранялась в памяти довольно отрывочно. Некоторые помнили, что та или иная деревня в прошлом была удельной или помещичьей. Называют места расположения усадеб старопоселенцев как лучшие, что подчеркивается, но не осуждается. Нельзя забывать, что тверские карелы — мигранты нескольких потоков заселения края, начиная с 1630-х гг. На вопрос, как появились здесь карелы, со ссылкой на рассказы стариков можно было услышать: «Отец говорил, будто все мы переселены с Олонецкой губернии. Здесь леса были. Деревни не было». Чаше об этом знали мужчины. Другие, как ясно из контекста беседы, в подтверждение давности карельского жития в этих местах, исконности проживания и неотъемлемости своих прав на эти земли приводили карельские названия той или иной деревни (д. Талашманка от карельского *тало* — дом). Довольно распространенным мотивом миграции остается следующий стереотип, объединяющий в сознании образы прародины и малой тверской родины: «Карелия-то лесная сторона, вот и здесь они в лесу любили селиться. Это я так объясняю».

Зачастую логика беседы о деревне приводили сельчанина к теме о вере. Устойчивый порядок прежней, доколхозной жизни подчеркивался

религиозностью людей. «На престольные праздники деревенские мужики варили общее пиво. В деревне Стешково на второй Спас — 19 августа церковный староста говорил: пойдем пить *куарна* — пиво на *поувари* (повар'и — поварня) — это были камни около прогона для скота у колодца. Перед этим люди мылись в печи, убирались в доме, а потом шли к часовне, где пиво освящалось священником» / «На Пасху и церкву мыли. Девушки — алтарь, а женщины только до алтаря; дальше — грех. Один год церковь мыла одна деревня, другой — другая» / «На Троицу и Николу (престольные праздники) поп приезжал. В деревне была часовня. Деревня справная была и в войну хлеб ели» [ПМА Смирнова 1982].

При сопоставлении устных историй, записанных от информантов в полевых условиях, и авторских текстов очевидны не только межжанровые различия. При написании рукописного текста имеет место сознательное обдумывание. Стало быть, интерпретационный потенциал такого текста может быть выше, чем полученного при непосредственном «живом» общении.

В качестве конкретного примера письменной биографии назову рукопись, полученную от А. Ф. Любимовой 1915 г. р. как результат ответа на вопросы известной анкеты Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. Не скрою, сейчас, по прошествии более 20 лет, я могу истолковать ту свою просьбу как собственную профессиональную неуверенность, однако, если бы я обратилась к той же полевой практике сегодня, это уже следовало бы рассматривать как провокативный прием.

Примеры крестьянских биографических записей, к тому же написанных на неродном языке, нечасты. Более всего они типичны для старообрядческой среды (русские, коми). И поэтому редкая рукопись ответа о деревенской жизни 1920–1930-х гг. имеет ныне исключительную источниковедческую значимость [Гура 1994], ее можно рассматривать как образец самодеятельного литературного творчества, в который введены прямая речь, диалоги, включены записи фольклорных текстов, песенный репертуар деревни, в том числе духовных стихов, вопроса о которых впрямую не содержалось в анкете. В тексте есть авторская живая, непосредственная передача бытовой и психологической атмосферы крестьянской жизни, собственная оценка прошлого, изложенная изнутри, а не глазами исследователя. Язык текста несет на себе яркий отпечаток личности — человека, хорошо владеющего русским языком, радостного, оптимистичного. В изложении Анастасии Федоровны Любимовой 1915 г. р. жизнь ее родной д. Стешково предстает через призму детских и юношеских воспоминаний как

свидетельство осмысленного существования, череды трудов и праздников.

«Итак ждут с нетерпением Пасху – Айя-пйявя <...> И вот все вымали открыты воздух свежий, состояние радостное к встрече пасхи готовы, / утром из церкви приходят, вся семья в сборе садятся за стол, да прежде чем сесть за стол молились обязательно все и всегда, иначе не разрешалось за стол садиться, назовут безбожником <...> / Народ в основном обращали внимание какие в домах порядки хорошо ли кровати убраны, чем?» [Любимова 1984а]. Или о праздновании Троицы. «Стройча – Стройчане. Улицу вокруг дома тщательно подметали, на дорогу и в канавы не разрешалось ни мусор бросать ни воду грязную лить после мытья полов, выливали в огороде в определенное место» [ПМА Любимова 1984б].

Иную цель преследуют истории малой родины, написанные местными сельскими и городскими карельскими краеведами, которые берут за образцы жанры научной, научно-популярной, мемуарной литературы и современной журналистики.

К числу первых можно отнести известного К. В. Манжина, проводника проф. Пертти Виртаранта по карельским деревням в 1960–1970-е гг., среди вторых – А. Г. Кирсанов и А. А. Беляков.

Сведения сельского учителя К. В. Манжина (*Мандьжойн Костя*), уроженца д. Моисеевской (Мойсова) Чамеровского с/с Вельегонского р-на, были переданы им в архивные и музейные учреждения Калинина / Твери, а также Петрозаводска, Тарту и Хельсинки. Это, прежде всего, записи фольклорных текстов. Фольклорно-лингвистические экспедиции стали для Манжина школой историко-краеведческой работы. В его текстах есть материалы, представляющие собой подробные описания бытовой культуры карельской деревни, его как сельского человека, крестьянина по происхождению более всего интересует экономическая сторона благосостояния карельской деревни. «В деревне Мосеевское по свидетельству старожилов из 31 дома около десятка домов были с черными избами (до 1897 г. – *О. Ф.*) Даже средний крестьянин имел много разной постройки: дом <...> двор с хлевами, поветью и сельником, пару сараев для сена и соломы, гумно с ригой, баню, погреб, житницу для хранения хлеба. Почти вся постройка каждого хозяйства располагалась на своей *одворине* (усадьбе), которая была площадью 0,35–0,40 десятин». С явной гордостью Манжин перечисляет сельских ремесленников: «В деревнях Хребтово, Черницына, Василево жили бондари, поставлявшие на местный рынок кадушки и деревянные ведра.

Колесники, столяры, катали, щеточники, красильщики, скорняки, кузнецы, мельники <...> – каких только профессий не было в Велье-гонском уезде <...>» [АТГОМ Манжин].

Антонин Герасимович Кирсанов (Хрисанфов) – известный историк-краевед, заслуженный учитель (1886–1968). Его личный фонд в архиве ГАТО содержит данные преимущественно этнографического и экономического характера. Это и собранные им лично и найденные в архивах сведения о карельской колонизации тверского края, статистике карельского населения, историко-этнографические описания ряда сел. В целом очевидны интересы А. Г. Кирсанова, воспитанного в традициях отечественного краеведения первой трети XX в.; в полной мере они отражены в его известной книге «Край наш Бежецкий», изданной в 1964 г. Его тексты наполнены цифровыми данными и отсылками на документальные источники, чем напоминают учебники истории. Так, в рукописи «Историческое прошлое Молоковского р-на» читаем: «В 17 веке были образованы специальные дворцовые карельские волости. На севере их было две: первая с центром в селе Кесьма, вторая с центром в селе Чамерово... Большой карельский массив возник в бывших селениях Алешковской волости: Синьково, Шульгино и Карельский Городок». Исследователь найдет в этих текстах важные подробности, повествующие и о прошлом, написанные как бы от первого лица, и сведения самого автора: «Д. Карельский городок Поречской вол. 40 верст от гор. Бежецка, школа существует с 1893 г. Из 700 душ населения 50% грамотных. Население – карелы. По близости карельские три деревни: Карельский Городок, Синьково и Шульгино <...> В настоящее время в этих деревнях население обрусело. Обрусели они 40 лет тому назад. По-русски говорит лишь одна молодежь. Нередко какая-либо старуха не говорит совсем по-русски» [ГАТО Кирсанов].

Алексей Антонович Беляков (1901–1995) – из семьи известных карельских интеллигентов, преподавал в Калининском педагогическом институте, был неутомимым краеведом, автором нескольких десятков публикаций об истории, этнографии карелов в местных периодических изданиях и газетах. Его колоссальный архив с оригинальными записями материалов по традиционно-бытовой и обрядовой культуре хранится в ГАТО. Симптоматичны названия и содержание его работ и публикаций. Одна из них – «Когда и при каких обстоятельствах карелы переселились в Тверскую губернию» – имеет подзаголовок – «Живые версии и документы о переселении карел». В ней приведены легенды о происхождении: «Во многих карельских деревнях отдельные родственные

семьи называются руотчилисто, т. е. шведы. Очень возможно, — рассуждает Беляков, — что эти семьи являются потомками шведов или финнов, которые до этого исповедовали лютеранскую религию». Опровергая бытование другого предания, объясняющего переселение карелов Петром I из-за их измены, Беляков вполне в духе времени пишет: «Очевидно эта версия нужна кому-то для разжигания национальной вражды <...>» [ГАТО Беляков 1970]. С другой стороны, в серии газетных статей под названием «Почему так назвали деревни» сообщаются интересные сведения по карельской топонимике.

Устойчивое представление о малой родине предельно формульно фиксируют слова карельской крестьянки Татьяны Алексеевны Кондратьевой, 1916 г.р., которые в равной мере могут быть как эпилогом, так и эпиграфом темы: «Вот тут мой степень. Вечная жительская здесь. Та сторона, на закате, там (чужие — *О. Ф.*)».

Литература

АТГОМ Манжин — АТГОМ. К. В. Манжин. Свадьба; народные сказки; рассказы отходников; автобиография. Оп. 1, д. 710, тет. II, л. 16.

ГАТО Беляков — ГАТО. Личный фонд А. А. Белякова — Ф. Р-1367, оп. 1, д. 18, л. 3об.

ГАТО Кирсанов — ГАТО. Личный фонд А. Г. Кирсанова — Ф. Р-625, оп. 1, д. 54, л. 8.

Гура 1994 — Гура А. В. Вологодская свадьба глазами крестьянина // ЖС. 1994. № 2. С. 40—43.

ПМА Афанасьев 1987 — ПМА. С. С. Афанасьев. Спировский р-н, с/с Бирючово, д. Дербужье. 1987. Тет. 1. г. Л. 27.

ПМА Любимова 1982а — ПМА. А. Ф. Любимова. Спировский р-н, с/с Бирючово, д. Шешково. 1982. Тет. 1. Л. 12об.

ПМА Любимова 1982б — ПМА. А. Ф. Любимова. Спировский р-н, с/с Бирючово, д. Шешково. 1982. Тет. 2. Л. 3—4об.

ПМА Смирнова — ПМА. А. П. Смирнова. Вышневолоцкий р-н, с/с Бухолово, д. Бухолово. 1982. Л. 27об.

ПМА Улькин — ПМА. И. П. Улькин. Вышневолоцкий р-н, д. Межуиха. 1987. Тет. 1. Л. 11.

Список сокращений

АТГОМ — Архив Тверского государственного объединенного музея.

ГАТО — Государственный архив Тверской области.

ПМА — Полевые материалы автора.